

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.5>UDC 904
LBC 63.4Submitted: 29.08.2025
Accepted: 30.09.2025

ON THE ELITE BURIALS OF THE NOMADS OF THE EARLY SARMATIAN PERIOD (2nd – 1st CENTURIES BC)¹

Vyacheslav P. Glebov

Archaeological Research Bureau, Rostov-on-Don, Russian Federation

Anton V. Dedyulkin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article discusses the funeral complexes of the elites of the nomads from various regions of Sarmatia of the 2nd – 1st centuries BC. The main criterion for identifying burials of the nobility is a high concentration of status items – symbols of power: ceremonial weapons and horse harness, jewelry and luxury items of gold and silver, sets of imported metal and glass dishes, etc. Among the elitist complexes, burials of undoubtedly royal rank were identified: Novozavedennoe V kurgan 1, burials 7 and 30; Dyadkovsky-34 kurgan 1, burial 19; Ipatovo-3 kurgan 2, burial 14; Volzhsky burials 2, 3, and 4; Mayorovsky kurgan 4, burial 3-B; Prokhorovka kurgan 1, burial 1; and Nogaychinsky burial 18. These stand out for their luxury and the number of inventory, quite comparable to the burial complexes of the highest nobility of the Middle Sarmatian and Late Sarmatian periods. A number of burials slightly inferior in wealth, which may belong to both kings and the highest aristocracy (sceptuchi), are adjacent to this group. In addition, a large number of burials were probably left by lower-ranking aristocracy, also containing ceremonial weapons, imported dishes, prestigious and expensive jewelry, etc., but usually in small quantities, one or two items. In addition, obviously not ordinary burials of a pronounced military appearance were found, but without insight of power, objects of luxury and jewelry. The analysis shows that the society of the early Sarmatians was most likely at the stage of transition from a ranked to a stratified society. The structure of the elite part of society was clearly complex and did not come down to a two-level vertical power structure described by Strabo. A special section discusses the titles of Sarmatian rulers known from narrative sources, as well as from numismatics and epigraphic data, and provides possible parallels with the social and military structure of the Parthian society.

Key words: Northern Black Sea region, Sarmatians, Hellenism, Parthia, elites, kings, social structure.

Citation. Glebov V.P., Dedyulkin A.V., 2025. Ob elitarnyh pogrebeniyah nomadov rannesarmatskogo vremeni (II–I vv. do n.e.) [On the Elite Burials of the Nomads of the Early Sarmatian Period (2nd – 1st Centuries BC)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.5>

УДК 904
ББК 63.4Дата поступления статьи: 29.08.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ОБ ЭЛИТАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ НОМАДОВ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (II–I ВВ. ДО Н.Э.)¹

Вячеслав Петрович Глебов

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Антон Владимирович Дедюлькин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

золота и серебра, наборы импортной металлической и стеклянной посуды и пр. Среди элитарных комплексов были выявлены погребения, несомненно, царского ранга: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Волжский, погр. 2, 3, 4; Майеровский, кург. 4, погр. 3-Б; Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский, погр. 18, выделяющиеся роскошью и количеством инвентаря, вполне сравнимые с погребальными комплексами высшей знати среднесарматского и позднесарматского времени. К этой группе примыкает ряд захоронений, несколько уступающих им в богатстве, которые могут принадлежать как царям, так и высшей аристократии (скептухам). Кроме того, большое количество погребений оставлены, вероятно, аристократией более низкого ранга. Эти погребальные комплексы также содержат парадное оружие, импортную посуду, престижные и дорогие украшения и пр., но обычно немного, по одному-два предмета. Помимо этого, встречены явно не рядовые захоронения выраженного воинского облика, но без инсигний власти, предметов роскоши и украшений. Анализ показывает, что общество номадов II–I вв. до н.э. находилось, скорее всего, на стадии перехода от ранжированного к стратифицированному социуму. Структура элитной части сарматского общества этого времени явно была сложной и не сводилась к двухуровневой вертикали власти, описанной Страбоном. В специальном разделе рассмотрены титулы сарматских правителей, известные из нарративных источников, а также по данным нумизматики и эпиграфики, приведены возможные параллели с социальной и военной структурой общества парфян.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, сарматы, эллинизм, Парфия, элиты, цари, социальная структура.

Цитирование. Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2025. Об элитарных погребениях номадов раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvsu.2025.4.5>

Социальная структура обществ номадов сарматской эпохи всегда вызывала большой интерес. Тем не менее вследствие отрывочности сообщений античных авторов и неоднозначности интерпретации археологического материала эту тему нельзя назвать полностью исследованной.

Задачей статьи является рассмотрение и анализ погребений элиты сарматов II–I вв. до н.э. Античные авторы в связи с различными событиями этого периода неоднократно упоминают сарматских царей: Гатал, Тасий², Абекак, Спадин, Медосакк. Позже, в I в. н.э. известны цари аорсов – очевидно, потомков сарматов II–I вв. до н.э.: Эвнон – царь аорсов, участник войны 49 г. н.э., Умабий – один из «великих царей Аорсии», Фарзой и Иниисмей, чеканившие золотые и серебряные монеты в Ольвии. Тацит упоминает помимо царей и знать более низкого ранга – скептухов (скипетроносцев). Страбон кратко характеризует вертикаль власти у ахейцев, зигов и гениахов: «Управляют ими так называемые скептухи, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. XI. 2. 13, пер. Г.А. Стратановского). Обычно этот пассаж о двухуровневой вертикали власти процитируется исследователями и на сарматов.

Тем не менее в науке довольно долго бытовало мнение о невыраженности социаль-

ной структуры у сарматов II–I вв. до н.э. и об отсутствии у них погребений царского ранга [Сергацков, 2000, с. 220; Глебов, Гордин, 2016, с. 290; Вдовченков, 2015, с. 48]. Основанием для этого являлось то обстоятельство, что захоронения знати сарматов II–I вв. до н.э. выглядели очень скромно как на фоне грандиозных царских курганов могильника Филипповка I раннего этапа раннесарматской культуры, так и в сравнении с элитарными погребальными комплексами среднесарматской и позднесарматской культур (Хохлач, Садовый, Дачи, Высочино VII, Кобяковский, Валовый I, Чугуно-Крепинка и др.), не говоря уже о скифских царских курганах. Однако открытие и введение в научный оборот новых захоронений верхушки сарматского общества II–I вв. до н.э. позволяют без сожаления отказаться от этой точки зрения.

В этой работе мы проанализируем погребения элиты разного уровня у сарматов II–I вв. до н.э., рассмотрим иерархию элитарных погребений, проведем анализ эпиграфических памятников и нарративных источников.

География исследования охватывает несколько регионов: 1. Южное Приуралье, Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье; 2. Предкавказье; 3. Северное Причерноморье и Крым. Памятники номадов II–I вв. до н.э. этих трех регионов близки, но не идентичны, имеют су-

щественные отличия в погребальной обрядности и инвентаре, и, по-видимому, должны рассматриваться как отдельные близкородственные культуры. Тем не менее все они могут быть охарактеризованы как сарматские, хотя бы потому, что античные авторы называют носителей этих культур сарматами. Ввиду близости всех трех культур, мы сочли возможным рассмотреть погребения их элит совместно, в одном исследовании, разумеется, с учетом региональной специфики.

Критерии выделения погребений элиты в сарматских культурах у большинства исследователей совпадают или очень близки: многочисленный инвентарь, включающий престижные статусные вещи – символы власти: парадное оружие, украшения и предметы роскоши из золота и серебра, импортная металлическая и стеклянная посуда и пр., в некоторых случаях большие трудозатраты при совершении захоронения [Яценко, 2002, с. 95; Клепиков, 2015, с. 47; Вдовченков, 2011, с. 49; Скрипкин, 2017, с. 11–13].

По этим формальным признакам для раннесарматских культур II–I вв. до н.э. может быть выделен целый пласт погребальных комплексов знати разного уровня³.

В Предкавказье⁴: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30 [Канторович, Маслов, 2023; Археологи из Ставропольской экспедиции ... , 2022]; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 [Беспалый, 2024]; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11 [Глебов, Гордин, 2016, с. 282–287]; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 [Зуев, 2016, с. 270–274]; Динская-29, кург. 1, погр. 41 [Шереметьев, Мордвинцева, 2022, с. 356–357]; Карстовый, кург. 1, погр. 2 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 342]; Комарово, кург. 1, погр. 24 [Гиджрати, Наглер, 1985, с. 131–132]; Журовская [Левин и др., 2014]; Водный, кург. 1, погр. 1 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 353–354]; Рассвет, кург. 1, погр. 19 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 344–345]; Тоннельный-3, кург. 1, погр. 3 [Зуев, 2016, с. 274]; Культурный мост ... , 2018, с. 59, 60–65; Древние сокровища ... , 2012], разрушенные погребения из Элитного [Анфимов И., 1986, с. 190–196] и Новоджерелиевской [Анфимов Н., 1986]; Бойко-Понура, кург. 1, погр. 3 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 343]⁵; Овальный, погр. 15 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 342–343]; Северный, кург. 1, погр. 3, 9 [Marčenko,

Limberis, 2008, S. 342]; Раздольная, кург. 1, погр. 2 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 340]; Раздольная, кург. 7, погр. 13 [Марченко, 1996, с. 197, рис. 63, 6–16], Новокорсунская, кург. 2, погр. 6 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 341]; Новокубанск, кург. 5, погр. 5 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 338] и др.

В Нижнем Подонье, Поволжье, Приуралье: Алитуб, кург. 3, погр. 20 («Крестовый») [Захаров, 2000, с. 27–29]; Арбузовский, кург. 7, погр. 8, кург. 8, погр. 3 [Ильюков, Власкин, 1992, с. 144–147]; Донской, кург. 1, погр. 21 [Ильюков, 2001, с. 200]; Волжский, одиночный курган № 20, погр. 2, 3, 4 [Шинкарь и др., 2025а, с. 248–252; 2025б, с. 127–130]; Майеровский III, кург. 4, погр. 3АБ [Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 98–103]; Косика, погр. 2 [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 11–12; Раев, Дворниченко, 2014, с. 170], погр. 45 [Дворниченко, 1989, с. 14–32; Демиденко С., Демиденко Ю., 2012, с. 84]; Жутово, кург. 27, погр. 4 [Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 128–132]; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12 [Федоров-Давыдов и др., 1974; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 5–6; Дворниченко и др., 2008, с. 239]; Кривая Лука IX, кург. 1, погр. 17 [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981, с. 100–101]; Питерка, кург. 1, погр. 9 [Ляхов, Мордвинцева, 2000, с. 102–105]; Белокаменка, кург. 7, погр. 3 [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138]; Барановка, кург. 10, погр. 9 [Сергацков, 2000, с. 30–32]; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Прохоровка, кург. 1, погр. 1, кург. Б, погр. 3 [Яблонский, 2010, с. 20–25, 35–36, 233]; Бердянка, кург. 4, погр. 4, кург. 5, погр. 6 [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 125–127; Мамонтов, 2002, с. 251–253] и др.

В Крыму: Ногайчинский курган, погр. 18 [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62–85]. В других районах Северного Причерноморья элитарные погребения II–I вв. до н.э. отсутствуют, но для I в. н.э. в центральной и западной частях региона известны очень богатые сарматские захоронения: Пороги, кург. 1, погр. 1; Весняное, кург. 1, погр. 1; Соколова Могила, погр. 3⁶ и др., видимо, принадлежащие к той же культуре номадов раннесарматского времени, в этих районах существовавшей до середины II в. н.э. [Кропотов, 2019, с. 155–156].

В сравнении с массой рядовых сарматских захоронений, в большинстве малоинвен-

тарных, вышеупомянутые погребения действительно выглядят элитарными. Вместе с тем сводка включает весьма разные по уровню элитарности и богатства погребальные комплексы – от очень богатых до содержащих одну-две престижные вещи. Очевидно, что наша выборка объединяет несколько страт внутри субкультуры сарматской знати.

Для построения четкой стратификации обществ номадов раннесарматского времени на археологическом материале пока не хватает данных. Между погребениями царей и высшей аристократии (скептухов), например, не всегда возможно провести грань. Тем не менее ряд погребений можно уверенно отнести к рангу царских. Критериями выделения царских захоронений являются высокая концентрация парадного оружия и конской упряжи, импортной посуды, дорогих украшений и прочих статусных вещей, являющихся, видимо, инсигниями власти или знаками высокого положения в обществе, в некоторых случаях – обособление некрополей элиты или отдельных погребений, возведение над захоронением собственной насыпи больших размеров. Прежде всего на царский статус претендуют: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Волжский, погр. 2, 3, 4; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б, Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский, погр. 18. Эти погребальные комплексы выделяются богатством и пышностью инвентаря даже на фоне других элитарных погребений, не говоря уже о рядовых сарматских захоронениях. Особо отметим присутствие в некоторых из царских погребений «предметов престижа, которые по качеству изготовления и использованным материалам можно отнести к образцам высшего «мирового» уровня», что, по мнению В.И. Мордвинцевой, также является одним из критериев выделения погребальных комплексов знати высшего ранга [Мордвинцева, 2020, с. 261].

К этим погребениям примыкает группа комплексов, уступающих им в богатстве и роскоши, но тоже достаточно богатых и содержащих престижные дорогие вещи: Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Водный, кург. 1, погр. 1; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Динская-29, кург. 1, погр. 41; Карстовый, кург. 1, погр. 2; Комарово, кург. 1, погр. 24; Журовский; Элит-

ный; Новоджерелиевская; Алитуб, кург. 3, погр. 20; Косика, погр. 45; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Жутово, кург. 27, погр. 4; Питерка, кург. 1, погр. 9; Прохоровка, кург. Б, погр. 3 и еще ряд погребений. Концентрация статусных и дорогих вещей в этих захоронениях несколько меньше, и сами вещи в большинстве скромнее и проще. Тем не менее, с учетом интуитивности данных критериев, наиболее яркие из рассматриваемых погребальных комплексов с высокой долей вероятности также могут принадлежать царям или скептухам.

Инвентарь погребений царей и скептухов богат и разнообразен, включает большое количество статусных вещей и предметов роскоши из золота и серебра, иногда с вставками из полудрагоценных камней и стекла, являющихся, видимо, символами власти или знаками высокого положения, а не просто украшениями. Инвентарь в большинстве случаев четко распределается по половому признаку: оружие и конская упряжь тяготеют к мужским погребениям, ювелирные украшения – к женским. В женских захоронениях иногда встречаются предметы вооружения, но на фоне массовых находок оружия в мужских погребениях это выглядит исключением, подчеркивающим общее правило.

Парадное оружие⁷. Все мужские погребения сопровождались оружием – меч или два меча (длинный и короткий) и гориты или колчаны со стрелами (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – два набора), иногда этот обязательный комплект дополнялся копьями (Волжский, погр. 3) или защитным вооружением (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30 – пластинчатый доспех; Косика, погр. 45 – пластинчатый доспех и шлем (?); Прохоровка, кург. 1, погр. 1 – кираса; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – шлем; Волжский, погр. 3 – шлем). Ножны и рукояти мечей, а также гориты в большинстве случаев украшены накладками из золотой фольги, зачастую с орнаментом или зооморфными изображениями. На общем фоне такого стандартно украшенного оружия выделяется роскошный короткий меч из погр. 19 кург. 1 мог. Дядьковский-34: покрытая серебром рукоять оформлена в виде двух спирально перевитых морских драконов (*кетосов*), ножны украшены золотой накладкой с пышным растительным орнаментом в

виде вышегося плюща, со вставками из стекла и янтаря [Беспалый, 2024, с. 42–48, ил. 82–93]. Из не совсем обычных находок следует отметить золотую накладку на гастагну (?) из погр. 9 кург. 1 мог. Питерка, с зооморфным изображением (голова сайгака) и утраченной вставкой из стекла или камня [Ляхов, Мордвинцева, 2000, с. 104–105, рис. 2,3].

В женских элитарных погребениях оружие встречается лишь изредка: Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 – короткий меч в ножнах с золотой накладкой; Алитуб, кург. 3, погр. 20 – берестяной колчан со стрелами; Прохоровка, кург. Б, погр. 3 – колчан со стрелами и колчанный крюк, а также наконечник копья, найденный, правда, не при погребенной, а во входном колодце подбоя.

Парадная конская упряжь. Обнаружена в ряде погребений – Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Косика, погр. 45; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Прохоровка, кург. 1, погр. 1 – в последнем случае в качестве наплечных фаларов конской упряжи использовались две серебряные фиалы. В Новозаведенном V и Дядьковском-34 были найдены богато украшенные комплекты конской упряжи: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – два комплекта: плакированные золотом удила, псалии, золотые перстневидные уздечные бляхи и комплект серебряных фаларов с растительным орнаментом и зооморфными изображениями; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30 – один или два комплекта: удила и псалии с фаларами; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 – два комплекта: удила, псалии, серебряные позолоченные налобники и фалары с растительным орнаментом и мифологическими персонажами и сценами.

Парадные пояса. В нескольких захоронениях встречены пояса с серебряными, золотыми (или плакированными золотой фольгой) пряжками, иногда по несколько штук. Особо отметим пряжки, выполненные в зверином стиле: Волжский, погр. 3; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; парные золотые пряжки из погр. 7 кург. 1 мог. Новозаведенное V со сценами терзания козла тигром, инкрустированные цветными стеклянными (?) вставками. Некоторые пояса снабжены золотыми наконечниками ремней: Косика, погр. 45; Кри-

вая Лука VIII, кург. 5, погр. 12, последние – с сюжетными сценами в технике тиснения, на одной из них воин убивает копьем фантастического зверя, на другой – держит коня за повод [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 6, рис. 1].

Гривны и браслеты (ручные и ножные), перстни (часто со вставками), серьги, височные кольца, подвески. Гривны и браслеты в большинстве случаев массивные, многовитковые, часто с зооморфными окончаниями – Волжский, погр. 3, 4; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Ногайчинский, погр. 18; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; Элитный. Почти во всех женских погребениях встречены перстни, серьги, височные кольца, подвески, во многих случаях – большими наборами (Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; и др.).

Особняком среди элитарных женских захоронений стоит погребение в Ногайчинском кургане, содержащее богатый набор высокохудожественных эллинистических ювелирных украшений: роскошные золотые браслеты со вставками и фигурными изображениями Эрота и Психеи, колье из золотых цепочек с подвесками и гранатовыми вставками, золотые серьги с подвесками и вставками из агата, сердолика и стекла, фибула в виде дельфина из хрусталя и золота, брошь с золотым каплевидным щитком и вставка из граната и зеленого стекла, золотые перстни с геммами, золотой медальон с гагатовой вставкой, фланкон из агата с золотыми крышками и многое другое. М.Ю. Трейстер с полным основанием относит многие из этих изделий к шедеврам позднеэллинистического ювелирного искусства [Трейстер, 2000, с. 183]. Примечательно, что наряду с ними в наборе украшений присутствуют ювелирные изделия в сарматском зверином стиле, прежде всего, золотая гривна с изображениями фантастических животных со стеклянными и коралловыми (?) вставками.

Расшивка одежды золотыми бляшками. Зафиксирована во всех погребениях, как мужских, так и женских. Бляшками расшива-

лась одежда, головные уборы, обувь, покрывала или саваны. В нескольких захоронениях найдены остатки ткани с золотым шитьем: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б.

Импортная посуда: металлическая, стеклянная, а также керамическая редких у сарматов форм – мегарские чаши, канфары, унгвентарии и пр. Импортная посуда встречена почти во всех элитарных погребениях, обычно наборами: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – бронзовая ситула с железной дужкой в бронзовых петлях, бронзовые сковорода «Айлесфорд» и кувшинчик типа «Галларате», а также серебряный с позолотой кубок и керамический унгвентарий; Волжский, кург. 22, погр. 3 – золотые ритоны, серебряные канфары со сценами из греческой мифологии, серебряные тарелки, серебряные туалетные сосудики; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 – серебряный с позолотой кубок с рельефным растительным орнаментом, стеклянный скифос; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11 – бронзовые блюдо и кружка «Идрия», стеклянный скифос, керамический унгвентарий; Ногайчинский, погр. 18 – серебряный килик, круглодонная серебряная чаша, круглодонный серебряный с позолотой кубок, стеклянная чаша в стиле «миллефиори», керамический унгвентарий; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 – чернолаковый сосуд, херсонесская столовая амфора; Водный, кург. 1, погр. 1 – бронзовые кувшин и черпак-киаф, два серебряных канфара; Элитный – бронзовые кружка «Идрия» и сковорода «Айлесфорд», мегарская чаша, стеклянный скифос; Новоджерелиевская – бронзовая сковорода «Айлесфорд», мегарская чаша, серебряные килики, стеклянный скифос; Рассвет, кург. 1, погр. 19 – бронзовая ситула с орнаментом и фигурными атташами; Журовская – бронзовые патера и кувшин, стеклянный скифос; Карстовый, кург. 1, погр. 2 – серебряная чаша, керамический унгвентарий; Алитуб, кург. 3, погр. 20 – бронзовая сковорода «Айлесфорд», керамический унгвентарий; Жутово, кург. 27, погр. 4 – сосуд из полихромного стекла, керамический унгвентарий. Отдельного упоминания заслуживают импортные серебряные фиалы с весовой и владельческой надписями из Прохоровки во

вторичном использовании (как фалары конской упряжи).

Из прочих статусных вещей заслуживают упоминания **деревянные чаши с золотыми обкладками** (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Прохоровка, кург. Б, погр. 3), **жезлы и треножники** с навершиями в виде протом оленей или чашки-жаровни (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Новоджерелиевская), котлы – встречены в большинстве погребений, как мужских, так и женских.

В завершение экскурса об инвентаре захоронений сарматской элиты подчеркнем, что наряду с массовыми маркерами погребений знати (мечи и гориты с накладками из золотой фольги, наборы из обычных для Сарматии импортных сосудов – бронзовых ситул, сковородок, кружек, стеклянных канфаров или скифосов и пр.) в погребальных комплексах верхушки общества встречены редкие и дорогие вещи иного, более высокого уровня: золотые ритоны и серебряные канфары со сценами из греческой мифологии (Волжский, погр. 3), меч с плакированной серебром зооморфной рукоятью и выложенными золотом ножнами со вставками из стекла и янтаря, серебряные позолоченные фалары с орнаментом, зооморфными изображениями, мифологическими сценами, позолоченный серебряный кубок с пышным рельефным орнаментом (Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19), парадный пояс с золотыми зооморфными пряжками со вставками (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7), богатейший набор изысканных эллинистических ювелирных украшений (Ногайчинский, погр. 18).

Курганы. В большинстве случаев элитарные погребения впускные в насыпи уже существовавших курганов, обычно очень крупных – от 5 до 8 м, в Косике – в бэрсовский бугор (обычно такие бугры имеют высоту от 6 до 22 м, иногда и больше). В Ногайчинском кургане зафиксированы манипуляции с насыпью большого (около 7 м) кургана эпохи бронзы: нивелировка верхней части насыпи, создание погребальной площадки, следы огненного ритуала, досыпка кургана [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62–64]. Однако А.В. Симоненко, ссылаясь на данные отчета А.А. Щепинского о раскопках этого кургана, ставит под сомнение связь этих дей-

ствий с сарматским погребением 18 [Симоненко, 2012, с. 331–333].

Однако некоторые из элитарных захоронений – Волжский; Прохоровка, кург. 1; Майеровский III, кург. 4; Кривая Лука VIII, кург. 5 совершены под собственными насыпями достаточно крупных размеров – до 2,5 м. В кург. 1 могильника Питерка была зафиксирована досыпка, связанная с группой раннесарматских погребений. Для раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. собственные насыпи и досыпки не свойственны – в ней абсолютно преобладают впускные погребения. Заметим, что индивидуальными эти насыпи не являлись – во всех случаях в курганах присутствуют и другие сарматские погребения (от 2 до 16). Примечательно, что все эти комплексы находятся в волго-уральском регионе, в других районах традиция собственных царских курганов отсутствует.

Погребальные сооружения. В захоронениях царей и скептухов в большинстве случаев зафиксированы те же погребальные конструкции, что и в рядовых сарматских погребениях. В Предкавказье преобладают катакомбы, реже встречаются прямоугольные ямы, иногда с заплечиками (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Динская-29, кург. 1, погр. 41), в других регионах – подбои (Волжский, погр. 3, 4; Косика, погр. 2, 45; Прохоровка, кург. Б, погр. 3; Жутово, кург. 27, погр. 4,), ямы с заплечиками (Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Питерка, кург. 1, погр. 9), двухкамерная катакомба (Майеровский III, кург. 4, погр. 3-АБ), прямоугольные ямы (Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский – погребальное сооружение погр. 18 не прослежено, но, вероятнее всего, представляло собой яму прямоугольной формы). Несколько необычным для II–I вв. до н.э. является лишь сложное могильное сооружение, напоминающее дромосные могилы предшествующего периода, зафиксированное в ограбленном погр. 2 в Волжском – большая могила прямоугольной формы со столбовой конструкцией и тростниковым перекрытием, имеющая вход-ступеньку с северной стороны.

Размеры ям и камер несколько больше, чем обычно – очевидно, чтобы вместить более многочисленный инвентарь. В нескольких случаях отмечены деревянные конструк-

ции – гробы (в большинстве случаев решетчатые, реже колоды), настилы, носилки, в погр. 45 в Косике зафиксированы два прямоугольных деревянных каркаса из досок, располагавшихся один в другом, в погр. 18 Ногайчинского кургана – деревянный расписной саркофаг.

Сопутствующие жертвенные комплексы и погребения. В нескольких случаях элитные погребения сопровождались жертвенными комплексами. В Волжском в насыпи кургана были найдены кости мелкого рогатого скота и лошади. В Прохоровке в кург. 1 были исследованы яма с конскими и человеческими черепами и безынвентарные погребения женщин в необычных позах: ничком, с перекрещенными (связанными?) ногами и руками – возможно, это захоронения сопровождающих зависимых лиц или человеческие жертвоприношения. В Ногайчинском кургане рядом с погребением находилась яма с захоронением конских голов на дне. Помимо этого, как жертвенные комплексы могут трактоваться находки предметов конской упряжи в насыпи – набор фаларов в Жутовском, кург. 27, удила, псалий и налобник в Ногайчинском кургане⁸, а также в межкурганном пространстве в могильнике Прохоровка [Дедюлькин, Мещеряков, 2022].

Прочие элитарные погребения из нашей выборки оставлены, вероятно, аристократией более низкого ранга. Инвентарь их также содержит парадное оружие, импортную посуду, престижные и дорогие украшения и пр., но обычно эти вещи в погребениях немногочисленны, не более одной-двух. Гориты, ножны и рукояти мечей часто украшены золотыми накладками (Арбузовский, кург. 8, погр. 3; Барановка, кург. 10, погр. 9; Белокаменка, кург. 7, погр. 1; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Донской, кург. 1, погр. 21; Раздольная, кург. 7, погр. 13; и др.). Конская упряжь встречается редко: Воронцовский – железные удила без украшений, Кривая Лука IX, кург. 1, погр. 17 – два серебряных фалара (согнутых и свернутых в трубки) с изображениями всадника. Парадные пояса не известны, лишь в погр. 3 кург. 8 мог. Арбузовский встречены железные пряжки, обложенные с лицевой стороны золотой фольгой. Находки золотых украшений нередки, однако в отличие от роскошных и массивных ювелирных изделий из погребений ца-

рёй и скептухов здесь преобладают гораздо более простые в оформлении гривны и браслеты в 1–2 оборота, обычные гладкие серьги и височные кольца, случаи зооморфного оформления концов единичны (гривна из Новокубанска, кург. 5, погр. 5), орнамент или вставки редки (браслеты из Воронцовской, кург. 3, погр. 1 и Бердянки, кург. 5, погр. 6). Почти во всех захоронениях была зафиксирована расшивка одежды золотыми бляшками, встречались и остатки ткани с золотным шитьем. Большие наборы импортной посуды отсутствуют, обычно в погребениях находились один или два сосуда. Чаще всего это различные стеклянные сосуды: Новокубанск, кург. 5, погр. 5; Раздольная, кург. 1, погр. 2; Северный, кург. 1, погр. 3; «Овальный», погр. 15; Воронцовская, кург. 3, погр. 1; Новокорсунская, кург. 2, погр. 6, реже – бронзовая посуда: сковороды «Айлесфорд» – Косика, погр. 2; «Овальный», погр. 15, ситулы – Северный, кург. 1, погр. 9; Арбузовский, кург. 7, погр. 8 (впрочем, судя по находке внутри ситулы костей животных, этот сосуд использовался сарматами просто в качестве котелка), бронзовая чашечка – Воронцовская, кург. 3, погр. 1.

Проблема дружинного сословия.

В сводку элитарных погребений включены захоронения с небольшим количеством статусных вещей, но подчеркнуто воинского облика, которые следует рассмотреть более подробно.

Тоннельный-3, кург. 1, погр. 3: пластинчатый доспех, эллинистический шлем, бронзовый котел, два меча – короткий и длинный, горит и др. Ножны обоих мечей и горит были украшены орнаментированными накладками из золотой фольги.

Бердянка, кург. 4, погр. 4: кираса, длинный меч, копье, горит или колчан со стрелами, колчанный крюк, обтянутый золотой фольгой, деревянный сосуд с серебряными накладками, пряжка, бронзовое зеркало, крупный кружальной сосуд и др.

Майеровский III, кург. 4, погр. 3-А: два меча – короткий и длинный, копье, горит или колчан со стрелами, железные пряжки, колчанный крюк, бронзовый котел, оселок, бронзовое зеркало и др.

Эти, безусловно, нерядовые погребения, тем не менее, вряд ли можно отнести к захо-

ронениям царей и скептухов, так как инсигнии власти, предметы роскоши и украшения в них присутствуют лишь эпизодически и в небольшом количестве.

В.М. Клепиков на основании серии подобных погребений с расширенным набором вооружения (длинный и короткий мечи, колчан, иногда топоры, наконечники копий, чешуйки железных панцирей) выделяет в раннесарматском обществе страту «дружинников» [Клепиков, 2015, с. 49]. Наличие у сарматов постоянных дружины профессиональных воинов предполагают и другие исследователи [Хазанов, 1971, с. 80–81; Нефедкин, 2011, с. 83].

Однако если рассматривать дружинное сословие как социальную страту – группы людей, занимающихся военным делом профессионально, оторванных от обычного скотоводческого хозяйства, то на раннесарматском материале II–I вв. до н.э. этого не наблюдается. Показательно, что «военизированные» погребения, как правило, встречаются в составе семейно-родовых кладбищ и никогда не составляют «дружинных» некрополей. Вряд ли они являются свидетельством наличия дружинной страты в обществе, более вероятно, что это погребения заслуженных воинов или военных вождей из родовой аристократии. Большой набор вооружения и относительно богатый погребальный инвентарь являются показателем личных заслуг конкретного человека в рамках рода. В литературе уже отмечалось, что военная организация сарматов представляла собой, скорее всего, народ-войско, убедительные свидетельства формирования военного сословия в виде профессиональных дружины над- или вне родоплеменного уровня в настоящее время отсутствуют [Вдовченков, 2011, с. 51].

Хронология. Большинство комплексов датируются в рамках II–I вв. до н.э., лишь для некоторых не исключена поздняя часть III в. до н.э. Однако датировки вещей из этих погребений, традиционно относимых к III в. до н.э., на наш взгляд, излишне заужены.

Деревянные сосуды с накладками из золотой и серебряной фольги, обнаруженные в нескольких погребениях (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Бердянка, кург. 4, погр. 4; Прохоровка, кург. 6, погр. 3), действительно восходят к формам IV–III вв. до н.э., но грубость исполнения

нения и различия в стиле декора указывают, что это не антиквариат, как считает, например, А.В. Симоненко [Симоненко, 2015, с. 144], а предметы, синхронные прочим материалам II в. или II–I вв. до н.э. из этих комплексов.

Чернолаковые сосуды с росписью в технике West Slope, подобные найденному в Ипаторском погребении, появляются в середине – третьей четверти III в. до н.э. [Дедюлькин и др., 2019, с. 74–76, рис. 17]. Что же касается верхней границы бытования таких сосудов, то есть основания полагать, что они доживаются, по крайней мере, до рубежа III–II вв. до н.э. Примечателен пример инвентаря погребения 1в могильника Старокорсунского городища № 2, где канфар West Slope 275–260 гг. до н.э. был найден с родосской амфорой с клеймом эпонима Аристонида, 209–205 гг. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 319–320]. Учитывая хорошую сохранность канфара, маловероятно, что он запаздывает на 60 лет. Следует признать, что некоторые варианты орнаментальных композиций и форм керамики West Slope производились дольше, чем это принято считать. Ипаторское погребение, по нашему мнению, датируется не ранее рубежа III–II вв. до н.э. или начала II в. до н.э. – времени появления сарматов в Центральном Предкавказье [Шевченко, 2020, с. 287].

Кирахи из Прохоровки, кург. 1, погр. 1 и Бердянки, кург. 4, погр. 4 демонстрируют преемственность традиций между оружейными мастерскими Греции и Македонии и государствами эллинистического Востока. Они датируются в пределах второй половины III – первой половины II в. до н.э., как-то уточнить хронологию самих доспехов не представляется возможным [Дедюлькин и др., 2019]. Датировка надписей на фиалах из Прохоровки является предметом дискуссии. По мнению В.А. Лившица, надпись на одной из фиал – парфянская, не старше II–I вв. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 169]. Нижняя граница этого интервала⁹ приблизительная, обусловлена отсутствием нормальной выборки парфянских надписей старше середины II в. до н.э. Сам В.А. Лившиц отмечал, что парфянская письменность возникла еще в конце III в. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 164]. Таким образом, если надписи парфянские, то они датируются в ди-

апазоне позднего III – I в. до н.э. А.С. Балахванцев возразил, что владельческая надпись не обязательно является парфянской, а весовая не может датироваться позднее середины III в. до н.э. [Балахванцев, 2012, с. 227]. Следует, впрочем, отметить возможное хронологическое запаздывание фиала в сарматском погребении мог. Прохоровка (подробнее о дискуссии по поводу надписей на фиалах из Прохоровки см.: [Дедюлькин и др., 2019, с. 73]).

Подчеркнем, что мы не отрицаем возможности датировки вышеупомянутых комплексов второй половиной или концом III в. до н.э., но лишь обращаем внимание, что предметы из этих погребений, якобы подтверждающие такую хронологию, в действительности датируются широко и не могут служить бесспорными индикаторами III в. до н.э.

Относительно хронологии погребения 18 из Ногайчинского кургана – не вдаваясь в дискуссию [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 85–97; 2007; Симоненко, 2012, с. 328; и др.], заметим, что хроноиндикаторы позднеэллинистического времени (унгвентарий типа 1 по В. Андерсон-Стоянович, кувшин предкавказского производства с вертикально-полосчатым орнаментом, целый ряд ювелирных изделий позднеэллинистического времени) делают наиболее убедительной версию о датировке комплекса в рамках первой половины – середины I в. до н.э., подкрепленную результатами радиоуглеродного датирования [Зайцев и др., 2013, с. 49–51].

Пользуясь случаем, отметим синкретизм погребения 18 из Ногайчинского кургана (Червоное, кург. 5). С одной стороны, общее соответствие погребальному обряду сарматов этого региона и локализация в северо-восточном степном Крыму среди сарматских памятников при отсутствии здесь в это время захоронений каких-либо других этнокультурных групп, позволяют согласиться с мнением о сарматской принадлежности этого комплекса [Кропотов, 2016, с. 23, рис. 1; Зайцев, 2023, с. 199–200]. С другой стороны, погребение в Ногайчинском кургане является для степных номадов уникальным по своему инвентарю и особенностям обряда. Наличие расписанного деревянного саркофага нельзя объяснить случайностью, это значимый элемент погребального обряда, указывающий на принадлеж-

ность умершей к эллинистическому культурному пространству. Об этом же говорит набор роскошных ювелирных украшений, их художественный стиль, репертуар образов и качество исполнения, указывающие на лучшие мастерские эллинистического мира [Трейстер, 2000; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 294–295]. На наш взгляд, остроумное предположение Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой о принадлежности погребения дочери Митридата Евпатора, выданной замуж за варварского вождя [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 295–297] (исходя из локализации памятника – не скифского, а сарматского), не противоречит археологическому контексту и датировке комплекса.

Важным показателем степени расслоения общества является расположение элитарных погребений – вместе с рядовыми захоронениями (в одном кургане или могильнике) или отдельно от них, что может указывать на обособление элиты от общества [Мордвинцева, 2020, с. 261].

В большинстве случаев богатым захоронениям сопутствуют погребения рядового облика с обычным инвентарем, расположенные в том же кургане (иногда даже в той же могиле – Жутово, кург. 27, погр. 4; Барановка, кург. 10, погр. 9; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Белокаменка, кург. 7, погр. 3). Очевидно, что это общие семейно-родовые кладбища, где захоранивались и рядовые номады, и знать.

Вместе с тем у сарматов II–I вв. до н.э. наблюдаются признаки иерархизации, говорящие о том, что их общество находилось, скорее всего, на стадии перехода от ранжированного к стратифицированному социуму [Медведев, 2002, с. 105–107; Вдовченков, 2011, с. 49]. Прежде всего, это наличие небольших могильников, состоящих только из погребений царского ранга: Волжский – 3 погребения под собственной насыпью – первая насыпь над погребением 2 (ограбленным, но, очевидно, тоже царского уровня), вторая насыпь (досыпка) над погребениями 3 и 4, впущенные через короткий промежуток времени, вероятно, в пределах одного года, Новозаведенное V – 3 погребения, впущенные в большой курган эпохи бронзы. Очевидно, что перед нами отдельные некрополи элиты общества – царских родов, что свидетельствует об обособлении высшей знати от рядовых сородичей.

Показательно, что в выборке погребений высшей элиты присутствует погребение ребенка – Волжский, погребение 3. Это погребение парное – взрослый мужчина и ребенок 6,5–7 лет, оба в расшитой золотыми бляшками одежде, с мечами с золотыми накладками. При этом инсигнии власти – золотые гривна и браслет, парадный пояс с золотой пряжкой с зооморфным изображением сопровождают ребенка, а не взрослого. Разумеется, дети такого возраста еще не могли иметь заслуг, дающих им право на столь пышное погребение и богатый инвентарь. Очевидно, что ребенок имел на это право по рождению – в силу принадлежности к элитному сословию. Еще один подобный случай зафиксирован в погребении 6 кургана 5 мог. Бердянка, где исследована катакомба с захоронениями детей около 8 лет, у одного из которых были золотые двусторчатые браслеты со стилизованными фигурками хищников в полихромном зверином стиле, у второго – золотые украшения: подвески и пронизи. Погребения детей с инсигниями власти, парадным оружием и предметами роскоши, безусловно, указывают на стратифицированное общество, где высокий статус распространялся на всех членов семьи независимо от возраста.

Интересный случай зафиксирован в кургане 4 мог. Майеровский III – в погребении 3 в разных камерах одной катакомбы (А и Б) были совершены два элитарных погребения, но разного ранга: 3-Б – богатое захоронение женщины (18–20 лет) в одежде, расшитой золотыми бляшками, с золотой гривной и браслетами, серебряной чашей и набором ювелирных украшений и аксессуаров, 3-А – тоже не рядовое воинское погребение мужчины (50–55 лет) с котлом, двумя мечами, колчанным набором, копьем.

Примечательно, что хотя среди элитарных погребений преобладают мужские, женские захоронения присутствуют во всех элитных стратах, в том числе и в ряду царских захоронений: Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ногайчинский, погр. 18. Между тем, судя по письменным источникам, власть в сарматском обществе принадлежала мужчинам – античные авторы сообщают исключительно о царях, а не о царицах. Единственное исключение – Амага, но

она, согласно Полиэну, правила вместо мужа – царя Медосакка, который «погряз в роскоши и пьянстве» (Polyaen. 8. 56, пер. А.Б. Егорова). Характерно, что Полиэн называет ее не царицей, а женой царя (*γυνὴ Μῆδοσάκκου βασιλέως*). В.М. Клепиков по итогам исследования женских погребений в раннесарматской культуре делает совершенно правильный, с нашей точки зрения, вывод о том, что, несмотря на высокий статус женщины, раннесарматское общество было патриархальным [Клепиков, 2015, с. 49]. В качестве версии высажем предположение о принадлежности женских элитарных погребений женам царей и скептухов.

Нarrативные источники, памятники нумизматики и эпиграфики. Нарративные источники, памятники нумизматики и эпиграфики применительно к сарматам не дают подробностей социальной структуры общества. В большинстве случаев для обозначения правителей используются слова *βασιλέως* и *rex*.

Титулы сарматских правителей в нарративных источниках, по данным нумизматики и эпиграфики. Полибий называет Гатала, Артаксия и Акусилоха правителями, *ἄρχοντ*, *δυνάστης*¹⁰ (Plb. 25. 2. 12–13). Автор старался не перегружать текст титулами, называя правителей просто по именам, но монархов Понта, Пергама, Вифинии и Каппадокии именует царями, *βασιλεῖς* (Plb. 25.2.9). Нельзя сказать, что историк из Мегалополя не-

брежен с титулатурой, Митридата он называет сатрапом Армении, *σάτραπης* (Plb. 25.2.11). Само по себе это ничего не говорит о характере власти Гатала, поскольку вряд ли Полибий хорошо себе представлял социальную структуру общества сарматов. Можно лишь констатировать, что Гатал не был от кого-то зависим и правил какой-то частью сарматов. Безусловно, и древнегреческий, и латынь позволяют охарактеризовать правителя уничижительно и пренебрежительно, поставив под сомнение его могущество и субъектность. Например, Тит Ливий называет мятеожного правителя илергетов Индибилиса «царьком», *regulus* (Liv. 22. 21.3). В большинстве известных нам случаев античные авторы называют сарматских правителей царями, *βασιλέως*. При этом масштабы царств могли быть очень скромными – например, для сравнительно небольшой области генохов Страбон упоминает наличие сразу четырех царей (Strabo. XI.2.13). Как уже отмечалась, Амага не называется царицей, она – жена царя (Polyaen. 8. 56), которая правит в силу обстоятельств. Обидчик херсонеситов, царь скифов – тоже *βασιλέως*, с ним упоминаются «родственники и друзья¹¹» – *συγγενεῖς καὶ φίλοι*, что является вполне стандартной формулой для описания эллинистического царского двора. Сложно сказать, кем был упоминаемый Страбоном Тасий, «предводитель», *ηγεμόνας*, роксоланов, воевавший в союзе со скифами против Дио-

Персоналии / события	Правитель	Аристократия, скептухи
Гатал (Plb. 25. 2. 12–13)	<i>ἄρχοντ</i> , <i>δυνάστης</i>	–
Медосакк (Polyaen. 8. 56)	<i>βασιλέως</i>	<i>συγγενεῖς καὶ φίλοι</i> (про двор царя скифов)
Тасий (Strabo. VII.3.17)	<i>ηγεμόνας</i>	–
Абеак (Strabo. XI.5.8)	<i>βασιλέως</i>	–
Спадин (Strabo. XI.5.8)	<i>βασιλέως</i>	–
Зорсин (Tac. Ann. 12.15)	<i>rex</i>	–
Эвнон (Tac. Ann. 12.15)	<i>Rex *</i>	
Умабий (декрет из-под Мангупа [Виноградов, 1994])	<i>βασιλέως</i>	–
Фарзой (монетная легенда)	<i>βασιλέως</i>	–
Инисмей (монетная легенда)	<i>βασιλέως</i>	–
События 35 г. н.э. (Tac. Ann. VI. 33. 2)	–	<i>sceptuchi</i>
События 69 г. н.э. (Tac. Hist. 1, 79)	–	<i>principes et nobilissimi</i>

Примечание. * – титул понятен по контексту: «...Zorsines Siracorum rex...», «...Eunonen qui Aorsorum genti praesidebat...» (Tac. Ann. 12.15), и дальше «...ad hoc reges ferocis, vagos populos...» – «...цари в тех краях воинственные, народы – кочевые...» (Tac. Ann. 12.20).

фанта, полководца Митридата Евпатора (Strabo. VII.3.17). Вполне может быть, что это некий военный вождь, а не царь.

Почти полное отсутствие в нарративных источниках сведений по структуре элит сарматского общества можно отчасти компенсировать информацией о парфянах. В.П. Никоноров отметил, что структура военной организации парфян восходит к их степной родине [Никоноров, 2000, с. 31]. М. Ольбрыхт, рассмотрев ряд аналогий из греческой и иранской практики, пришел к выводу, что автократор / *kāran* – это независимый правитель, чьи притязания основаны на военном успехе [Olbrycht, 2013, p. 70–71]. А.С. Балахванцев указал на важные аспекты наделения этим титулом. В ахеменидское время, как следует из указания Ксенофонта по поводу назначения Кира Младшего, титул каран жаловался царским указом (Xen. Hell. I. 4. 3). Исследователь отметил, что понятие **kāra-* относится еще к эпохе родового строя и охватывает всех свободных членов общества [Дандамаев, 1985, с. 83–84], следовательно, первоначально у иранцев в целом и у парнов в частности караном человека наряжало все племя [Балахванцев, 2017, с. 83]. А.С. Балахванцев пришел к выводу, что неограниченную власть в военных делах Аршаку вручило народное собрание парнов, затем благодаря достигнутым успехам он сумел сделать полученную от племени власть не только пожизненной, но и наследственной (Iust. XLI. 5. 7). Вполне возможно, что сходным образом происходило становление власти упоминаемых античными авторами сарматских царей.

Тацит упоминает сарматских *principes et nobilissimi*, «вождей и знать» (Tac. Hist. 1, 79), и скипетроносцев¹², *sceptuchi* (Tac. Ann. VI. 33. 2). В последнем случае это явный грецизм, другими латинскими авторами этот термин не используется.

Относительно уровня развития обществ номадов сарматской эпохи у специалистов нет единства мнений. Некоторые ученые видят у сарматов процессы классообразования и считают, что сарматские общества достигли уровня раннего государства [Хазанов, 1971, с. 82; Мошкова, 1989, с. 208–209; Медведев, 2010, с. 140, 145; Симоненко, 2015, с. 313]. С.А. Яценко характеризует Аланию I–II вв. н.э.

с центром на Нижнем Дону как кочевую империю [Яценко, 2009].

Согласно разработкам других исследователей, специфика развития обществ номадов приводит к альтернативному пути политогенеза, не доходящему до государственного уровня. Социальная структура кочевых обществ всегда базировалась на родоплеменной основе [Мошкова, 1989, с. 208; Хазанов, 1975, с. 129], и их внутренняя жизнь регламентировалась нормами обычного права, даже когда они входили в состав «кочевых государств». «Кочевые империи» со стороны могли восприниматься как государственные образования, но на деле являлись конфедерациями племен номадов, объединявшихся, как правило, с целью попыток подчинения соседних земледельческих обществ или установления даннических отношений [Бондаренко и др., 2006, с. 13–14]. В качестве примеров можно назвать государство подобные образования сюнну, скифов. Для подобных объединений номадов исследователями предлагается термин «суперсложные вождества» [Бондаренко и др., 2006, с. 14].

Следует, однако, согласиться с мнением А.С. Скрипкина, что сарматские общества не достигли уровня «суперсложных вождеств» = «кочевых империй». Основываясь на данных письменных источников, А.С. Скрипкин характеризует объединения сарматов последних веков до н.э. – первых веков н.э. не как единую «империю», а как ряд самостоятельных этнополитических группировок – сложные вождества, включающие несколько простых вождеств. По мнению А.С. Скрипкина, «скептухи» античных авторов – это предводители вождеств, а «цари» – предводители сложных вождеств [Скрипкин, 2017, с. 245–252]. В отношении сарматских скептухов А.С. Скрипкин приводит весьма уместную, на наш взгляд, аналогию с *тайши* – главами улусов в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв., которые обладали большой властью, самостоятельно устанавливали связи с соседями, вели внешние и междуусобные войны.

Выводы. 1. Тезис о невыраженности социальной структуры у сарматов II–I вв. до н.э. следует признать несостоятельным. По богатству и пышности элитные погребения этого периода вполне сравнимы с захоронениями

высшей знати среднесарматского и позднесарматского времени, которые исследователи вполне правомерно интерпретируют как «княжеские» или «царские». Вместе с тем масштаб их несопоставим с царскими курганами сарматов (Филипповка 1) и скифов IV в. до н.э. Однако А.С. Скрипкиным в дискуссии на одной из научных конференций была подмечена общая тенденция к уменьшению масштабности погребальных комплексов варварских элит в последних веках до н.э. – первых веках н.э. Точка зрения А.С. Скрипкина подтверждается захоронениями царей этого времени, известных по нарративным источникам: погребение царя Скилура в Неаполе Скифском [Зайцев, 2001], предполагаемое погребение царя Иниисмея в погр. 1 кург. 1 мог. Пороги [Симоненко, Лобай, 1991, с. 62–75]. Рассмотренные нами погребальные комплексы высшей элиты сарматов II–I вв. до н.э. по масштабу и составу инвентаря вполне сопоставимы с захоронениями этих царей.

2. Анализ элитарных погребений сарматов II–I вв. до н.э. выявляет комплексы нескольких уровней, различающиеся по пышности и богатству. Помимо предполагаемых царей и скептухов, выделяется пласт погребений аристократии более низкого ранга. Очевидно, что иерархия элитной части общества была более многоступенчатой, чем это зачастую представляется исследователям, исходя из сообщения Страбона о двухуровневой вертикали власти (цари и скептухи).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Часть исследования, подготовленная А.В. Дедюлькиным, выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

The study (part of A.V. Dedyulkina) was supported by the South Federal University Strategic Academic Leadership Programme (Priority 2030).

² Если быть точным, Тасия Страбон называет предводителем (*τργεμόνας*), а не царем.

³ В этот список не включены еще несколько элитарных погребальных комплексов, известных нам по кратким упоминаниям в литературе (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 15; Журавка, кург. 7, погр. 21; и др.), по которым мы не имеем достаточной информации.

⁴ За рамками исследования оставлен ряд ярких и богатых комплексов так называемого зубовско-воздвиженского типа (Воздвиженская; Зубовский, кург. 1; Песчаный, кург. 1, погр. 10; и др.), датировка которых не исключает I в. до н.э. По мнению сарматологов, памятники Зубовско-Воздвиженской группы более близки среднесарматской культуре [Раев, Яценко, 1993, с. 112; Сергацков, 1999, с. 145–146; Глухов, 2005, с. 116–117].

⁵ В Новоджерелиевской и Бойко-Понуре к инвентарю погребений были ошибочно отнесены вещи из ритуальных кладов, находившихся в насыпи курганов [Шевченко, 2005, с. 131; Глебов, 2016, с. 147]. Но даже за вычетом этих предметов, инвентарь обоих погребений выглядит достаточно представительным.

⁶ Культурная принадлежность богатого сарматского погребения из Соколовой Могилы не очевидна. Наша версия о его атрибуции основывается на том, что захоронение находится на территории, занятой в I в. н.э. потомками северопричерноморских nomадов раннесарматского времени, в значительном удалении от ареала среднесарматской культуры, его обряд – впускное, с широтной ориентировкой – не соответствует среднесарматской погребальной традиции. Пользуясь случаем, выражаем благодарность В.В. Кропотову за консультацию по поводу погребения из Соколовой Могилы.

⁷ Отметим условность термина «парадный» для оружия, упряжи, поясов и пр. Как отмечает О.А. Шинкарь, богато украшенные мечи из Волжского, судя по сильной степени затертости золотых накладок на рукоятях, перекрестиях и ножнах, не являлись церемониальным оружием, а носились постоянно [Шинкарь и др., 2025а, с. 251]. А.В. Симоненко и В.Ю. Зуев называют парадное оружие церемониальным, поскольку сарматы не проводили парадов [Зуев, 2016, с. 267]. Большая часть оружия из погребений элиты богато украшена, однако это не предполагает непременного предназначения его только для неких церемоний. Термин «парадное» давно обозначает богато украшенное (и зачастую вполне функциональное) вооружение, и широко употребляется применительно к оружию разных эпох и культур, безотносительно парадов. В англоязычной литературе употребляется эпитет *parade* (с тем же смыслом), в немецкоязычной – *prunkwaffen* («роскошное оружие»). В русскоязычной традиции термин «роскошное оружие» не используется, а «парадное оружие» – общеупотребителен. Например, применительно к находкам из Храма Окса упоминаются детали «...парадных боевых и... вотивных ножен...» [Пичикян, 1986, с. 272], поскольку все они богато украшены, но часть – от функционального оружия, часть – от миниатюрных моделей-вотивов.

⁸ Эти предметы конской упряжи из насыпей курганов принято считать самостоятельными комплексами – ритуальными кладами [Симоненко, 2012, с. 334–335; Глебов, 2016, с. 148], но нельзя полностью исключить и вероятности их связи с сарматскими погребениями в этих курганах.

⁹ Отметим, здесь не вполне корректный прием В.Ю. Зуева: вначале он сообщил В.А. Лившицу свою датировку погребения с фиалами – I в. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 169], а потом сам привлекал результаты эпиграфического исследования как важный аргумент в дискуссии о хронологии погребения.

¹⁰ Справедливый в целом тезис Ю.Г. Виноградова: «...ни один античный автор, как и ни один эпиграфический документ не именует предводителей сарматов династами: наиболее легализованными потестарными терминами у них были либо “цари” (βασιλεῖς) либо “скептухи” (σκῆπτοῦχοι)» [Виноградов, 1997, с. 119], представляется излишне категоричным. Полибий не называет Гатала βασιλέως:

«...τὴν Ἀσίαν δυναστῶν Ἀρταξίας ὁ τῆς πλείστης Ἀρμενίας ἄρχων καὶ Ἀκουσίλοχος, τῶν δὲ κατὰ τὴν Εὐρώπην Γάταλος ὁ Σαρμάτης...», перевод Ф.Г. Мищенко вполне точен: «...из владык азиатских Артаксия, правитель большей части Армении, и Акусилох, а из владык Европы сармат Гатал...». Очевидно, что здесь по смыслу: «...τὴν Ἀσίαν δυναστῶν... τὴν Εὐρώπην [δυναστῶν]...».

¹¹ По эпиграфическим памятникам известны примеры употребления συγγενῆς как почетного титула в царствах Селевкидов и Птолемеев. «Родственником царя Птолемея» назван в надписи с Делоса Хрисерм, сын Гераклита из Александрии, экзегет, глава лекарей, и эпистлат Музея (OGIS 104.2). Царским друзьям посвящены многочисленные публикации (см. библиографию [Paschidis, 2006, р. 252, note 9]).

¹² О проблеме содержания этого термина применительно к варварским обществам Северного Причерноморья и Кавказа см.: [Вдовченков, Воскресенский, 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов И. Н., 1986. Погребальный комплекс сарматского времени II в. до н.э. у х. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 190–197.
- Анфимов Н. В., 1986. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 183–189.
- Археологи из Ставропольской экспедиции обнаружили захоронение сарматского воина-аристократа, 2022. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/83904/
- Балахванцев А. С., 2012. Эпиграфические памятники ахеменидской эпохи на Южном Урале // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таяс. С. 220–227.
- Балахванцев А. С., 2017. Политическая история ранней Парфии. М. : ИВ РАН. 2017. 192 с.
- Беспалый Г. Е., 2024. Погребение второй половины II в. до н. э. близ станицы Дядьковской. Ростов н/Д : Ком. по охране объектов культурного наследия Ростовской области, ГАУК РО «Донское наследие». 134 с.
- Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н., 2006. Введение : Социальная эволюция, альтернативы иnomadism // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 6–25.
- Вдовченков Е. В., 2011. Историография социальных исследований сарматов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 5 (165). С. 47–52.
- Вдовченков Е. В., 2015. Уровень сложности сарматских обществ Подонья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 239. С. 43–53.
- Вдовченков Е. В., Воскресенский А. П., 2022. Скептухи на Кавказе и в Северном Причерноморье в античную эпоху // Кавказология. № 2. С. 12–21. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-12-21>
- Виноградов Ю. Г., 1997. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE II. 343 и вторжение сарматов в Скифию // Вестник древней истории. № 3. С. 104–124.
- Гиджрати Н. И., Наглер А. О., 1985. Сарматское погребение у села Комарово Моздокского района СО АССР (предварительное сообщение) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе : Северо-Осетинский ГУ. С. 131–137.
- Глебов В. П., 2016. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н.э. // Stratum plus. № 3. С. 145–161.
- Глебов В. П., Гордин И. А., 2016. Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 282–292.

- Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 238 с.
- Дандамаев М. А., 1985. Политическая история Ахеменидской державы. М. : Наука. 319 с.
- Дворниченко В. В., 1989. Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области в 1987–1988 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14801.
- Дворниченко В. В., Демиденко С. В., Демиденко Ю. В., 2008. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. М. : Тauc. С. 239–242.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 168. С. 100–105.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. : Наука. С. 5–13.
- Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещеряков Д. В., 2019. Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // Stratum plus. № 3. С. 51–88.
- Дедюлькин А. В., Мещеряков Д. В., 2022. Парадная сбруя и конский доспех из межкурганного пространства могильника Прохоровка // Призвание – археология. Уфа : Диалог. С. 349–365.
- Демиденко С. В., Демиденко Ю. В., 2012. К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 79–88.
- Древние сокровища нашли прокладчики газопровода в Ставропольском krae, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-11-02/78572-drevnie_sokrovischa_nashli_prokladchiki_gazoprovoda_v_stavropolskom_krae_2_novembra_2012/
- Зайцев Ю. П., 2001. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скиты Крыма: III в. до н.э. – III в. н.э. Труды ГИМ. Вып. 118. С. 13–58.
- Зайцев Ю. П., 2023. Крымский Барбариум (III в. до н.э. – IV в.) в контексте новейших археологических исследований // Боспорский феномен. СПб. : Чистый лист. С. 199–205.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // Вестник древней истории. № 3. С. 61–99.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен. Т. 2. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 290–297.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Хеллстрём К., 2013. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 44–59.
- Захаров А. В., 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 27–45.
- Зуев В. Ю., 2016. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 259–276.
- Ильюков Л. С., 2001. Курган с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 198–207.
- Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д : РГУ. 228 с.
- Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2023. Восточные импорты в богатых сарматских погребениях кургана 1 могильника Новозаведенное-V // Международная научная конференция «Восточный эллинизм – новые данные» : тез. докл. М. : ИА РАН. С. 32–35.
- Клепиков В. М., 2015. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 46–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Кропотов В. В., 2016. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 22–39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>
- Кропотов В. В., 2019. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V. Симферополь : Салта ЛТД. С. 154–160.
- Культурный мост: из прошлого в настоящее. Каталог интерактивной выставки археологических находок, 2018. М. : Гос. музей архитектуры им. Щусева. 224 с.

- Левин Е. С., Короткий Д. В., Лунев М. Ю., 2014. Новое сарматское погребение с римскими импортами из Прикубанья // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения : материалы конф. М. : ИА РАН. С. 256–258.
- Лившиц В. А., 2001. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства : материалы Междунар. науч. конф. Т. 2. СПб. : ГЭ. С. 160–170.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 318–341.
- Ляхов С. В., Мордвинцева В. И., 2000. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // Российская археология. № 3. С. 102–110.
- Мамонтов В. И., 2002. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 251–259.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар : КубГУ. 336 с.
- Медведев А. П., 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 98–111.
- Медведев А. П., 2010. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 140–146.
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург : Димур. С. 124–146.
- Мордвинцева В. И., 2020. «Варварские» элиты Нижнего Поволжья и Подонья в III в. до н.э.–сер. III в. н.э.: опыт выявления уровней социальной иерархии // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 259–286.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. В., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–149.
- Мошкова М. Г., 1989. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 202–214.
- Нефедкин А. К., 2011. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб. : СПбГУ : Нестор-История. 304 с.
- Никоноров В. П., 2000. Кочевнический пласт в культурном наследии Парфянской державы // Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы. Ашгабад ; СПб. : Европейский дом. С. 31–35.
- Пичикян И. Р., 1986. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М. : Наука. С. 264–272.
- Раев Б. А., Дворниченко В. В., 2014. Азиатские элементы обряда захоронения у с. Косика (Косика-2) // Кадырбаевские чтения-2014 : материалы IV Междунар. науч. конф. Актобе ; Астана : Мега принт. С. 170–174.
- Раев Б. А., Яценко С. А., 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе : (тезисы) // Скифия и Боспор : материалы конф. Новочеркасск : Музей истории донского казачества. С. 111–125.
- Сергацков И. В., 1999. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 137–155.
- Сергацков И. В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 270 с.
- Симоненко А. В., 2012. Сарматское погребение в Ногайчинском кургане: окончание диалога // Stratum plus. № 4. С. 327–338.
- Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев : Издатель Олег Филюк. 466 с.
- Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка. 112 с.
- Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С., 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 98–116.
- Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.
- Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуручиye // Российская археология. № 1. С. 125–137.

- Трейстер М. Ю., 2000. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // Вестник древней истории. № 1. С. 182–202.
- Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., 1974. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 году // Архив ИАРАН. Р-1. № 5315.
- Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 171 с.
- Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М. : Наука. 343 с.
- Шевченко Н. Ф., 2005. Новые данные о сарматском погребальном комплексе из ст-цы Новоджерелиевской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. С. 126–138.
- Шевченко Н. Ф., 2020. Сарматы Центрального и Западного Кавказа в раннесарматское время // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала : Мавраевъ. С. 287–289.
- Шереметьев А. Г., Мордвинцева В. И., 2022. Сакральное и материальное в погребении воинской элиты у станицы Динская (Краснодарский край) // XXIII Боспорские чтения : материалы конф. Симферополь ; Керчь. С. 356–362.
- Шинкарь О. А., Чугаев А. В., Сапрыкина И. А., Зубавичус Е. Я., 2025а. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Ч. I // Восток (Oriens). № 3. С. 247–261. DOI: <https://doi.org/10.31696/S086919080035100-7>
- Шинкарь О. А., Балабанова М. А., Переярова Е. В., 2025б. Раннесарматская элита по результатам археолого-антропологического исследования погребений одиночного кургана у г. Волжский // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 125–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>
- Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 216 с.
- Яценко С. А., 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 91–97.
- Яценко С. А., 2009. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. С. 281–310.
- Marčenko I. I., Limberis N. Ju., 2008. Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. Archäologie in Eurasien // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuba. Bd. 25. Mainz. S. 265–400.
- Olbrycht M. J., 2013. The titulature of Arsaces I, king of Parthia // Parthica. T. 15. P. 63–74.
- Paschidis P., 2006. The interpenetration of civic elites and court elite in Macedonia // Rois, cités, nécropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine (Actes des colloques de Nanterre [décembre 2002] et d'Athènes [janvier 2004]). Мелетήματα, 45. Athens. P. 251–268.

REFERENCES

- Anfimov I.N., 1986. Pogrebal'nyy kompleks sarmatskogo vremeni II v. do n.eh. u kh. Ehlitnyy (Krasnodarskiy kray) [Burial Complex of the Sarmatian Period of the 2nd Century BC near the Village of Elitny (Krasnodar Territory)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 190–197.
- Anfimov N.V., 1986. Kurgannyy kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyyna r. Kirpili [Kurgan Complex of the Sarmatian Period from the Kirpili River Basin]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183–189.
- Arheologi iz Stavropol'skoy ehkspeditsii obnaruzhili zakhoronenie sarmatskogo voina-aristokrata* [Archaeologists from the Stavropol Expedition Discovered the Burial of a Sarmatian Warrior-Aristocrat], 2022. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/83904/
- Balakhvantsev A.S., 2012. Ehpigraficheskie pamyatniki akhemenidskoy epokhi na Yuzhnom Urale [Epigraphic Monuments of the Achaemenid Era in the Southern Urals]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.eh.)*. [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 220–227.
- Balakhvantsev A.S., 2017. *Politicheskaya istoriya ranney Parfii* [Political History of Early Parthia]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS. 192 p.

- Bespally G.E., 2024. *Pogrebenie vtoroy poloviny II v. do n.eh. bliz stanitsy Dyad'kovskoy* [Burial of the Second Half of the 2nd Century BC near the Village of Dyadkovskaya]. Rostov-on-Don, Committee for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Rostov Region, State Autonomous Institution of Culture of the Rostov Region “Donskoye Nasledie”. 134 p.
- Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Kradin N.N., 2006. Vvedenie: Sotsial'naya ehvolyutsiya, al'ternativy i nomadizm [Introduction: Social Evolution, Alternatives, and Nomadism]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy ehvolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 6-25.
- Vdovchenkov E.V., 2011. Istorografiya sotsial'nykh issledovaniy sarmatov [Historiography of Social Studies of the Sarmatians]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences], no. 5 (165), pp. 47-52.
- Vdovchenkov E.V., 2015. Uroven' slozhnosti sarmatskikh obshchestv Podon'ya [The Level of Complexity of Sarmatian Societies in the Don Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology, iss. 239, pp. 43-53.
- Vdovchenkov E.V., Voskresenskiy A.P., 2022. Skeptukhi na Kavkaze i v Severnom Prichernomor'e v antichnuyu epohu [Skeptouchoi in the Caucasus and the Northern Black Sea Region in the Ancient Era]. *Caucasology*, no. 2, pp. 12-21. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-12-21>
- Vinogradov Yu.G., 1997. Khersonesskiy dekret o «nesenii Dionisa» IOSPE II. 343 i vtorzhenie sarmatov v Skifiyu [The Chersonesos Decree on the “Carrying of Dionysus” IOSPE II. 343 and the Sarmatian Invasion of Scythia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 104-124.
- Gijrati N.I., Nagler A.O., 1985. Sarmatskoe pogrebenie u sela Komarovo Mozdokskogo rayona SO ASSR (predvaritel'noe soobshchenie) [Sarmatian Burial near the Village of Komarovo, Mozdok District, S. O. ASSR (Preliminary Report)]. *Antichnost'i varvarskiy mir* [Antiquity and the Barbarian World]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, pp. 131-137.
- Glebov V.P., 2016. O variantakh obryada zakhoroneniya «ritual'nykh kladov» III-I vv. do n.eh. [About Variants of the Funeral Practice of “Ritual Hoards” of 3rd – 1st Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 145-161.
- Glebov V.P., Gordin I.A., 2016. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Dyad'kovskiy 45 v Krasnodarskom krae [Rich Sarmatian Burial from the Dyadkovsky 45 Cemetery in Krasnodar Krai]. *Ehlita Bospora i Bosporskaya ehlitarnaya kul'tura* [The Bosporan Elite and the Bosporan Elite Culture]. Saint Petersburg, PALAZZO Publ., pp. 282-292.
- Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdu rech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.eh.* [Sarmatians Between the Volga and Don Rivers in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo Publ. 238 p.
- Dandamaev M.A., 1985. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka Publ. 319 p.
- Dvornichenko V.V., 1989. Otchyot o raskopkakh mogil'nika u s. Kosika Enoteavskogo rayona Astrakhanskoy oblasti v 1987–1988 gg. [Report on the Excavations of a Burial Ground near the Village of Kosika, Yenoteavsky District, Astrakhan Region, in 1987–1988]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 14801.
- Dvornichenko V.V., Demidenko S.V., Demidenko Yu.V., 2008. Nabor pryazhek iz pogrebeniya znatnogo sarmatskogo voyna v mogil'nike Krivaya Luka VIII [A Set of Buckles from the Burial of a Noble Sarmatian Warrior in the Krivaya Luka VIII Burial Ground]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Contemporary Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 239-242.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1981. Serebryanye falary iz sarmatskogo pogrebeniya mogil'nika Krivaya Luka IX v Astrakhanskoy oblasti [Silver Phalerae from the Sarmatian Burial of the Krivaya Luka IX Burial Ground in the Astrakhan Region]. *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 168, pp. 100-105.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1989. Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [Monuments of the Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Region]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozheley i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of the Sarmatian Leaders and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-13.
- Dedyulkina A.V., Kayumov I.F., Meshcheryakov D.V., 2019. Ehlinisticheskie zheleznye kirasy iz Yuzhnogo Priural'ya [Hellenistic Iron Cuirasses from the South Ural Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 51-88.

- Dedyulkin A.V., Meshcheryakov D.V., 2022. Paradnaya sbruya i konkiy dospekh iz mezhkurgannogo prostranstva mogil'nika Prokhorovka [Ceremonial Harness and Horse Armor from the Inter-Barrow Space of the Prokhorovka Burial Ground]. *Prizvanie – arkheologiya* [Vocation – Archeology]. Ufa, Dialog Publ., pp. 349-365.
- Demidenko S.V., Demidenko Yu.V., 2012. K voprosu o svyazyakh Zavolzh'ya, Severnogo Prikasiya i Sredney Azii v poslednie veka do n.eh. [On the Issue of the Connections Between the Trans-Volga Region, the Northern Caspian Region and Central Asia in the Last Centuries BC]. *Evrasiya v skifo-sarmatskoe vremya* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Proceedings of the State Historical Museum, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 79-88.
- Drevnie sokrovishcha nashli prokladchiki gazoprovoda v Stavropol'skom krae* [Ancient Treasures Found by Gas Pipeline Workers in Stavropol Krai], 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-11-02/78572-drevnie_sokrovischa_nashli_prokladchiki_gazoprovoda_v_stavropolskom_krae November 2, 2012/
- Zaitsev Yu.P., 2001. Mavzoley tsarya Skilura: fakty i kommentarii [The Mausoleum of King Skilurus: Facts and Comments]. *Pozdnie skify Kryma: III v. do n.e. – III v. n.e.* [Late Scythians of Crimea: 3rd Century BC – 3rd Century AD]. Trudy GIM, iss. 118, pp. 13-58.
- Zaitsev Yu.P., 2023. Krymskiy Barbarikum (III v. do n.eh. – IV v.) v kontekste noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy [Crimean Barbaricum (3rd Century BC – 4th Century) in the Context of the Latest Archaeological Research]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, Chisty List Publ., pp. 199-205.
- Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2003. «Nogaychinskiy» kurgan v stepnom Krymu [“Nogaichinsky” Burial Mound in the Steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 61-99.
- Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. «Tsaritsa» iz Nogaychinskogo kurgana: vozmozhnosti istoricheskikh rekonstruktsiy [“Queen” from the Nogaichinsky Burial Mound: Possibilities of Historical Reconstructions]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon], vol. 2. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 290-297.
- Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., Hellström K., 2013. Radiougleodnoe datirovanie zhenskogo ehlitnogo pogrebeniya Nogajchinckogo kurgana (Krym) v kul'turno-istoricheskem kontekste [Radiocarbon Dating of the Female Elite Burial of the Nogaichinsky Kurgan (Crimea) in the Cultural and Historical Context]. *Krym v sarmatskuyu ehpokhu* [Crimea in the Sarmatian Era], vol. I. Simferopol, Bakhchisarai, Dolya Publ., pp. 44-59.
- Zakharov A.V., 2000. Sarmatskoe pogrebenie v kurgane «Krestovy» [Sarmatian Burial in the “Krestovy” Kurgan]. *Sarmaty i ikh sosedni na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 27-45.
- Zuev V.Yu., 2016. K probleme vydeniya pogrebeniy rannesarmatskoy ehlity po arkheologicheskim materialam [On the Problem of Identifying Burials of the Early Sarmatian Elite Based on Archaeological Materials]. *Ehlita Bospora i Bosporskaya ehlitarnaya kul'tura* [The Bosporan Elite and the Bosporan Elite Culture]. Saint Petersburg, PALAZZO Publ., pp. 259-276.
- Ilyukov L.S., 2001. Kurgan s pogrebeniyami rannesarmatskogo vremeni [Kurgan with Burials of the Early Sarmatian Period]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 198-207.
- Ilyukov L.S., Vlaskin M.V., 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [Sarmatians from the Sal and Manych Interfluvia]. Rostov-on-Don, Rostov State University. 228 p.
- Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2023. Vostochnye importy v bogatykh sarmatskikh pogrebeniyakh kurgana 1 mogil'nika Novozavedennoe-V [Eastern Imports in Rich Sarmatian Burials of Kurgan 1 of the Novozavedennoye-V Cemetery]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Vostochnyy ehllinizm – novye dannye»: tez. dokl.* [International Scientific Conference “Eastern Hellenism – New Data”. Abstracts of Reports]. Moscow, IA RAS, pp. 32-35.
- Klepikov V.M., 2015. K voprosu o vozmozhnostyakh sotsial'noy interpretatsii rannesarmatskogo obshchestva Nizhnego Povolzh'ya [On the Possibilities of Social Interpretation of the Early Sarmatian Society of the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (35), pp. 46-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>
- Kropotov V.V., 2016. Sarmatskie pogrebal'nye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Funeral Monuments of the Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 22-39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>
- Kropotov V.V., 2019. K probleme vydeniya rannesarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [On the Problem of Identifying Early Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Krym v sarmatskuyu*

- epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 154-160.
- Kul'turnyy most: iz proshloga v nastoyashchee. Katalog interaktivnoy vystavki arkheologicheskikh nakhodok* [Cultural Bridge: From the Past to the Present. Catalog of the Interactive Exhibition of Archaeological Finds], 2018. Moscow, Shchusev Museum of Architecture. 224 p.
- Levin E.S., Korotkiy D.V., Lunev M. Yu., 2014. Novoe sarmatskoe pogrebenie s rimskimi importami iz Prikuban'ya [New Sarmatian Burial with Roman Imports from the Kuban Region]. *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya: materialy konf.* [E.I. Krupnov and the Development of Archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov Readings. Conference Materials]. Moscow, IA RAS, pp. 256-258.
- Livshits V.A., 2001. O datirovke nadpisey na serebryanykh sosudakh iz kurgana 1 u derevni Prokhorovka [On the Dating of Inscriptions on Silver Vessels from Burial Mound 1 near the Village of Prokhorovka]. *Bosporskiy fenomen. Kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Bosporan Phenomenon. Colonization of the Region. Formation of Policies. Formation of the State. Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 2. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 160-170.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Pogrebeniya s rodosskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov Krasnodarskoy gruppy [Burials with Rhodian Amphoras from the Meotian Cemeteries of the Krasnodar Group]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [The Ancient World and Archeology], iss. 19. Saratov, Tehno-Decor Publ., pp. 318-341.
- Lyakhov S.V., Mordvintseva V.I., 2000. Rannesarmatskoe pogrebenie u poselka Piterka Saratovskoy oblasti [Early Sarmatian Burial near the Village of Piterka, Saratov Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 102-110.
- Mamontov V.I., 2002. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Pisarevka II [Sarmatian Burials from the Burial Mound Pisarevka II]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 251-259.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani* [Siraks of Kuban]. Krasnodar, KubSU. 336 p.
- Medvedev A.P., 2002. Razvitie ierarkhicheskikh struktur v obshchestvakh ehpokhi bronzy i rannego zheleznogo veka yuga Vostochnoy Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkheologicheskogo analiza) [Development of Hierarchical structures in the Societies of the Bronze Age and Early Iron Age in the South of Eastern Europe (An Attempt at Diachronic Historical and Archaeological Analysis)]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 98-111.
- Medvedev A.P., 2010. O formakh zavisimosti v sarmatskikh obshchestvakh pervykh vekov nashey ehry [On the Forms of Dependence in Sarmatian Societies of the First Centuries AD]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 11, pp. 140-146.
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovsky” Burials of the V Berdyansk Burial Ground]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg], vol. III. Orenburg, Dimur Publ., pp. 124-146.
- Mordvintseva V.I., 2020. «Varvarskie» ehility Nizhnego Povolzh'ya i Podon'ya v III v. do n.eh. – ser. III v. n.eh.: opyt vyyavleniya urovney sotsial'noy ierarkhii [“Barbarian” Elites of the Lower Volga and Don Region in the 3rd c. BC – mid. III c. AD: Experience in Identifying Levels of Social Hierarchy]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 259-286.
- Mordvintseva V.I., Shinkar O.V., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-149.
- Moshkova M.G., 1989. Khozyaystvo, obshchestvennye otnosheniya, svyazi sarmatov s okruzhayushchim mirom [Economy, Social Relations, Connections of the Sarmatians with the Surrounding World]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 202-214.
- Nefedkin A.K., 2011. *Voyennoye delo sarmatov i alanov (po dannym antichnym istochnikov)* [Military Affairs of the Sarmatians and Alans (According to Ancient Sources)]. Saint Petersburg, SPBU, Nestor-Istoriya Publ. 304 p.
- Nikonorov V.P., 2000. Kochevnicheskiy plast v kul'turnom nasledii Parfyanskoy derzhavy [Nomadic Layer in the Cultural Heritage of the Parthian Empire]. *Kul'turnoe nasledie Turkmenistana: glubinnyye istoki i sovremenennye*

- perspektivy* [Cultural Heritage of Turkmenistan: Deep Sources and Modern Prospects]. Ashgabat, Saint Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., pp. 31-35.
- Pichikyan I.R., 1986. Paradnye nozhny greko-baktriyiskikh mechey [Ceremonial Scabbards of Greco-Bactrian Swords]. *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of Ancient Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 264-272.
- Raev B.A., Dvornichenko V.V., 2014. Aziatskie ehlementy obryada zakhoroneniya u s. Kosika (Kosika-2) [Asian Elements of the Burial Rite near the Village of Kosika (Kosika-2)]. *Kadyrbaevskie chteniya – 2014: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Proceedings of the IV International Scientific Conference “Kadyrbaev Readings – 2014”]. Aktobe, Astana, Mega print Publ., pp. 170-174.
- Raev B.A., Yatsenko S.A., 1993. O vremeni pervogo poyavleniya alanov v Yugo-Vostochnoy Evrope: (tezisy) [On the Time of the First Appearance of the Alans in South-Eastern Europe: (Theses)]. *Skifiya i Bospor: materialy konf.* [Scythia and Bosphorus. Conference Materials]. Novocherkassk, Museum of the History of the Don Cossacks, pp. 111-125.
- Sergatskov I.V., 1999. Problema formirovaniya srednesarmatskoy kul'tury [The Problem of Formation of the Middle Sarmatian Culture]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya* [Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 137-155.
- Sergatskov I.V., 2000. *Sarmatskie kurgany na Illovle* [Sarmatian Kurgans on Illovlya]. Volgograd, VolSU. 270 p.
- Simonenko A.V., 2012. Sarmatskoe pogrebenie v Nogaychinskem kurgane: okonchanie dialoga [Sarmatian Burial in the Nogaichinsky Kurgan: End of the Dialogue]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 327-338.
- Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 466 p.
- Simonenko A.V., Lobai B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoria v Iv. n.e.* [The Sarmatians and the North Pontic Area in the 1st Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 112 p.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S., 2008. Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [Burial of the Sarmatian Nobility from the Volgograd Trans-Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 98-116.
- Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.
- Skripkin A.S., Shinkar O.A., 2010. Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e [Sarmatian-Time Kurgan Zhutovsky № 27 in the Volga-Don Interstream Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 125-137.
- Treister M.Yu., 2000. O yuvelirnykh izdeliyakh iz Nogaychinskogo kurgana [On Jewelry from the Nogaichinsky Kurgan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 182-202.
- Fedorov-Davydov G.A., Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., 1974. Otechyot o raskopkakh kurganov v urochishche «Krivaya Luka» v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1974 godu [Report on the Excavations of Kurgans in the Krivaya Luka Site in the Chernoyarsk District of the Astrakhan Region in 1974]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no 5315.
- Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 171 p.
- Khazanov A.M., 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov* [Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ. 343 p.
- Shevchenko N.F., 2005. Novye dannye o sarmatskom pogrebal'nom komplekse iz st-tsy Novodzherelievskoy [New Data on the Sarmatian Burial Complex from the Village of Novodzherelievskaya]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], iss. 5, pp. 126-138.
- Shevchenko N.F., 2020. Sarmaty Tsentral'nogo i Zapadnogo Kavkaza v rannesarmatskoe vremya [Sarmatians of the Central and Western Caucasus in the Early Sarmatian Period]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya* [Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings]. Makhachkala, Mavraev Publ., pp. 287-289.
- Sheremetev A.G., Mordvintseva V.I., 2022. Sakral'noe i material'noe v pogrebenii voinskoj ehlity u stanitsy Dinskaya (Krasnodarskiy kray) [The Sacred and the Material in the Burial of the Military Elite at the Village of Dinskaya (Krasnodar Region)]. *XXIII Bosporskie chteniya: materialy konf.* [XXIII Bosphoran Readings. Conference Proceedings]. Simferopol, Kerch, pp. 356-362.

- Shinkar O.A., Chugaev A.V., Saprykina I.A., Zubavichus E.Ya., 2025a. Ehlinisticheskaya torevtika iz sarmatskogo kurgana u goroda Volzhskiy. Ch. I [Hellenistic Toreutics from a Sarmatian Burial Mound near the City of Volzhsky. Part I]. *Vostok [Oriens]*, no. 3, pp. 247-261. DOI: <https://doi.org/10.31696/S086919080035100-7>
- Shinkar O.A., Balabanova M.A., Pererva E.V., 2025b. Rannesarmatskaya elita po rezul'tatam arheologo-antropologicheskogo issledovaniya pogrebeniy odinochnogo kurgana u g. Volzhskiy [The Early Sarmatian Elite Based on the Results of Archaeological and Anthropological Study of the Burials from a Kurgan near the City of Volzhsky]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 125-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>
- Yablonsky L.T., 2010. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, Taus Publ. 216 p.
- Yatsenko S.A., 2002. Osobennosti obshchestvennogo razvitiya sarmato-alanov i ikh vospriyatiye v drugikh kul'turakh [Features of the Social Development of the Sarmatian-Alans and Their Perception in Other Cultures]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy ehvolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 91-97.
- Yatsenko S.A., 2009. Alaniya I-II vv. n.eh. kak kochevaya imperiya [Alania in the 1st – 2nd Centuries AD as a Nomadic Empire]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World], book 3. Ulan-Ude, BSC SB RAS, pp. 281-310.
- Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebietes. Archäologie in Eurasien. Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Bd. 25. Mainz, pp. 265-400.
- Olbrycht M.J., 2013. The Titulature of Arsaces I, King of Parthia. *Parthica*, vol. 15, pp. 63-74.
- Paschidis P., 2006. The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia. *Rois, cités, nécropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine (Actes des colloques de Nanterre [décembre 2002] et d'Athènes [janvier 2004])*. Μελετήματα, 45. Athens, pp. 251-268.

Information About the Authors

Vyacheslav P. Glebov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Archaeological Research Bureau, Ulyanovskaya St, 50, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Anton V. Dedyulkina, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33/43, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

Информация об авторах

Вячеслав Петрович Глебов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Археологическое научно-исследовательское бюро, ул. Ульяновская, 50, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Антон Владимирович Дедюлькин, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33/43, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>